

Сверился с часами и увидел, что до конца учебного дня осталось десять минут. Стоял у ветхих школьных ворот в тишине и ждал, пока Че Ён и дети выйдут, а руки были заняты сладостями.

Я подстриг бороду и волосы, впервые за долгое время. Поношенную униформу сменил аккуратный костюм, который любезно подогнал мне Очкарик. Вообще не помню, когда в последний раз надевал подобное, и некоторое время провозился с неудобной тканью.

Смотрел на игровую площадку у школы и медленно погружался в размышления. Впереди было много задач и десятки сложных процедур, но если опустить всё это, то...

Я теперь Глава Эдема.

Конечно, это долгая история, которую невозможно описать на этом маленьком листе бумаги, но мы с вами, читатели, знаем, насколько тяжелым и сложным был путь. Не хочу хвастаться тем, каким великим я стал, но хочу сказать, что меня переполняет благодарность.

Костюм продувается холодным ветром, туфли хоть и модные, но жутко неудобные, поэтому мне неловко. Не знаю, как нормально стоять. Еще и люди глазеют.

Я уже почувствовал, какого это — быть Главой Эдема. Тяжело и обременительно.

Открыл глаза под порывами ветра и увидел, как открываются ворота. На дверях школы висели маленькие колокольчики. Они всегда звенели приятным звуком, когда дул ветер или открывалась дверь, и каждый раз, когда я приходил в школу, думал, какие они симпатичные.

Повернулся на трели колокольчиков, поставив пакет со сладостями на землю, и смотрел на ребятишек, высыпавших на улицу, когда дверь открылась.

Кто первый, спорить не приходилось. Я быстро заметил своих детей в толпе, и они сразу же узнали сильно изменившегося меня. Сердце замедлилось, а тело, озябшее от холодного ветра, потеплело. Услышал, как Че Ён зовет меня.

— Папа!!!

Че Ён на всех парах спешила ко мне, и дети вокруг нее тоже начали бежать, приветствуя меня лучезарными улыбками. Звенел колокольчик, и солнце осветило меня и детей. Я раскрыл объятия и впервые за долгое время от души улыбнулся.

— Папочка!

Че Ён прыгнула на меня, крепко обнимая, а я поднял ее на руки и охнул, потому что она стала тяжелее, чем прежде. Несмотря на пережитые ужасы, она превратилась в обычную девочку,

такую же, как все девочки ее возраста.

— Хорошо кушаешь? А с ребятами не ругаешься?

Когда мы приходили с миссий, Старый часто донимал похожими вопросами свою внучку. Я этого не понимал, но увидев сегодня Че Ён, понял сполна. Девочка кивала на все мои вопросы, зарывшись в меня лицом. Чувствую, как сильно она сжимает руками мне шею.

— Ты не волновалась?

Конечно же, она волновалась. Горько улыбнулся и погладил девочку по волосам, а она тихонько всхлипнула.

Я стараюсь не говорить ей о своих шрамах и скрываю правду под предлогом важных командировок. Но слухи распространяются быстро, а Че Ён не глупая. Она все прекрасно понимает, но делает вид, что не знает, а потом наверняка плачет по ночам в подушку. Я не стал заострять тему, видя, что ей грустно.

Через некоторое время подул холодный ветер, и я вдруг поднял глаза. Все наши дети собрались вокруг и пристально смотрели на нас с Че Ён. Хорошие дети, которые умели ждать. Я быстро приобнял девочку, чувствуя, как на лице появляется улыбка.

Когда солнце начало клониться к закату, ветер стал холоднее. Подумав, что можем простудиться, если останемся здесь, я собрал вокруг себя детей и приготовился идти домой. На данный момент я решил забыть о делах и сосредоточиться на результате.

Я снова дома.

[Следующие страницы заполнены детскими рисунками Че Ён и других детей. Должно быть, они это сделали, пока он спал, но он не стал убирать их]

— Проснись и пой, наш новый Глава.

Я издал небольшой стон боли, когда меня дернули за щеку, вытаскивая из сна. Первое, что почувствовал после пробуждения — это пульсирующую головную боль и тошнотворное похмелье.

Заставил себя открыть тяжелые глаза и посмотрел на свет: на меня с суровым лицом смотрел старик. Голова раскалывалась, а горло и язык жаждали воды.

— Чего это ты так нажрался вчера? Обычно же нос от алкоголя воротишь, — цокнул Старый, протягивая мне бутылку воды.

Я взял ее, опустошая наполовину. Холодная вода успокоила бурлящий желудок, а вместе с этим немного прояснила разум. Сколько же я вчера выпил? Вдруг стало стыдно за самого себя.

— А остальные? — спросил я, вытирая воду с уголка рта.

Старый покачал головой и выразительным взглядом обвел помещение, мол, сам полюбуйся. Зрение окончательно прояснилось, и я посмотрел по сторонам.

А увидел я буквально дерьмо. И дети, и взрослые, все еще не оправившиеся от последствий вчерашней вечеринки, крепко спят, разлѣгшись в разных местах комнаты. В этот момент чувствую, как меня хватают за ногу.

Я посмотрел вниз и увидел руку Юн Пала. Парень крепко обнял мою ногу и улыбался во сне, как идиот. Должно быть, ночью скатился ко мне. Вчерашние воспоминания всплыли в памяти.

— Ха-а...

Изо рта вырвался смешок, я снял носок и засунул его Юн Палу в рот. Вот хитрый же сопляк! Наконец-то я вспомнил, из-за кого вчера все так напильсь. Юн Пал с носком во рту так и не проснулся, но гримасничал и хихикал, а я усмехнулся и встал, медленно пробираясь между людьми, чтобы поговорить со стариком.

— Как дела у Су Рѣн?

Она единственная, кто отсутствовала на вечеринке. Ее лицо не выходило у меня из головы весь вечер. Открываю входную дверь, чтобы поприветствовать утреннее солнце, и вскоре спрашиваю, как обстоят дела с ее лечением. Старик ярко улыбается и отвечает.

— Говорят, быстро идет на поправку. Возможно, сможешь увидеть ее завтра, так что потерпи.

Ничто так не успокаивало меня, как эта короткая фраза: "идет на поправку". Я уселся на крыльце в лучах солнца и вспомнил ее смех, который слышал в своем воображении. Это я нетерпелив? Да, я был нетерпелив, и мне хотелось увидеть ее как можно скорее, чтобы мы могли поговорить.

Старался не стесняться, но Старый наверняка видел меня насквозь. Пряча от него, глаза, я одним глотком допил воду из бутылки.

— Хочешь, приготовлю хэчжангук*?

— Спасибо, не надо.

У меня много работы, поэтому я принял шутку старика за чистую монету и выбросил пустую бутылку в мусорное ведро. Хватит с меня этой минутной передышки. Пора протрезветь и готовиться к тяжелому дню.

Я повернулся и вместе со стариком вошел обратно в здание. Мы шли по слишком знакомым коридорам центрального корпуса. Последствия налета того дня исчезли, как и боль прошлого, и чистый, но старомодный интерьер поднимал мне настроение.

Открыв дверь в крыло Главы, я поприветствовал охранников, стоявших в коридоре.

"Дон Юн, ты сегодня ел?"

Как только открыл дверь, в ноздри ворвался запах цитрона, и до меня словно донесся голос, который я больше никогда не услышу. Размытая фигура, неосязаемые очертания — след человека, который теперь исчез в прошлом. Я медленно открыл глаза и уставился в пустоту, где его больше не было.

Шел к креслу, ощущая кожей и разумом изменившуюся атмосферу. Все вокруг изменилось, а прошлое стало прошлым.

Когда сел на место, где всегда сидел лидер, я увидел то, что видел он. Ряды чиновничьих стульев и человек, сидящий в дальнем конце. Я медленно закрыл глаза, вспоминая Главу. И не успел ничего почувствовать, как к столу подошел Старый.

— Ну чё, опять драматизируешь? Работать будем?

Надо отбросить эмоции, и я ответил с неловкой улыбкой.

— Да.

— Пак Дэ Бак ушел в Город, я тебе говорил вчера, — сказал старик.

Перед глазами лежат бумаги и карта, на которой проведены жирные линии. Пак Дэ Бак ушел? Я был уверен, что он вчера пил вместе с нами, но, похоже, покинул вечеринку раньше всех.

Я должен был отправиться в больницу к Джин Суну, но Дэ Бак сказал, что сделает это вместо меня.

— У них все хорошо? — спросил Старого, неловко перебирая бумаги, а тот фыркнул и посмотрел на меня, как на дурака.

— Не паникуй, парни у Дэ Бака опытные, к тому же вооружены.

Да, Пак Дэ Бак и его люди — мастера своего дела, и могут создать команду без нас. Хотя я теперь Глава Эдема, всё так же готов ходить на миссии. Мы с Дэ Баком странно познакомились, но я ему доверяю. У Старого, разумеется, к нему нет никаких претензий.

После этого в кабинете на некоторое время воцарилась тишина. Мы со стариком были единственными, кто находился в этом большом помещении, и единственными звуками внутри были шуршание бумаг и легкое дыхание. Я молча облизал пересохшие губы, пролистывая последние бумаги, и наконец заговорил со стариком, который пристально их рассматривал.

— Видел, что я принёс тебе вчера?

— Угу.

Старик ответил голосом слишком спокойным. То, что я принес ему, было личными вещами девушки, которую я поймал на улице. Да, небольшой объем информации, поскольку это лишь верхушка айсберга, но мне хватило, чтобы понять. Дрожавшим голосом спросил старика.

— Ну, и...?

— Страшно, — снова сказал спокойно Старый.

Ответ его был честным, и я именно так себя и почувствовал, когда читал информацию: мне просто стало страшно. Правда свалилась так неожиданно, что наполнила ужасом.

От этой ситуации и будущего мы ничего не ждали, но в какой-то момент я начал бояться информации, которая будет всплывать, чем больше буду копать. Я сглотнул, а старик отложил бумаги и сказал.

— Никому ни слова, пока сами не убедимся.

Я не собирался скрывать правду, потому что для других она могла бы стать очень приятной новостью, но прежде, чем раскрыть, надо проверить. Вот о чем беспокоился Старый, чтобы информация не вызвала коллективную панику и ощущение, что правительство их бросило.

— Есть у меня на примете одно хорошее место. Оно на окраине Эдема, охраны почти нет, а вечером совсем безлюдно. Сегодня вечером там встретимся.

Допрос следует провести так, чтобы никто не знал. Я кивнул и вскоре замолк, вернувшись к своим бумагам как ни в чем не бывало.

* В переводе с корейского «хэчжангук» значит «суп от похмелья». По утрам в выходные дни уличные торговцы в Корее продают его со своих тележек. Ингредиенты супа непостоянны, но всегда включают коровьи кости и кровь.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4870205>